

Иосиф Берг

18+

О чём молчат солдаты

Иосиф Берг

О чем молчат солдаты

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Берг И.

О чем молчат солдаты / И. Берг — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Эта книга «О чем молчат солдаты» – первая часть авантюрного романа Иосифа Берга «Sancta rosa» (Святая роза). Роман посвящен воевавшим в Заполярье бойцам штрафных подразделений времен Второй мировой войны. В романе описаны повседневный настрой, мысли и чувства бывших заключенных, добровольно пожелавших воевать штрафниками, офицеров Красной армии, Северного флота, горных егерей Вермахта и других участников боевых действий, в том числе лиц нетрадиционной ориентации, увлеченных в водоворот военного лихолетья.

© Берг И., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Избранный	5
Без вести покинутый	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Иосиф Берг

О чем молчат солдаты

Избранный

Содрав до крови кожу на руках и ступнях босых ног о крошечные каменистые выступы, Илья вскарабкался на вершину одиноко стоящей скалы, за макушку которой цеплялось небольшое, но густое сизое облачко: «Ты взобрался! Наконец-то, дополз до цели, выше некуда. Только здесь? на вершине, посреди чистого прозрачного облака, почувствуй тело свободным и блаженное спокойствие в истерзанной душе». Еще раз внимательно осмотрев себя, Алёшин тщательно протер заполненные запекшейся кровью раны, но они не беспокоили, казались не имеющими к нему никакого отношения. Высоко задрав голову, путник облегченно выдохнул: «Там за туманной дымкой только голубое небо! Никто более не способен указать мне дальнейший путь прочь от земной суеты, к вечному покою и успокоению». По округе разнесся душераздирающий безумный крик радости, смешанный с отчаянием попавшего в западню дикого зверя. Полностью освободив легкие, Илья? богатырского телосложения великан, попытался еще раз глубоко вздохнуть, но воздуха не хватило, он лишь почувствовал пульсирующую жилку в висках, качнулся из стороны в сторону и, не удержавшись на слабеющих ногах, медленно повалился на спину, проваливаясь, как в гамак, внутрь покачивающегося тумана. Падая навзничь, Илья под продолжающуюся блаженную облегченность закрыл глаза, пытаясь прислушаться к уставшему от переживаний сердцу, но помехой вдруг стало далекое надоедливо монотонное жужжание. «Проклятая муха даже здесь не дает покоя, а может, другая доколе мне неизвестная мелкая тварь», – не желая того, обнаженный здоровяк переключил свое внимание.

В бесконечно надоедливом звуке он вдруг стал разбирать слова:

– Ты чего это распластался тут? Поди не дома! Не твое это место! Нализался, как босяк последний, и орешь во всю луженую глотку. Проваливай! Проваливай откуда притащился!

«Ну вот еще, не дожدهшься, зазря что ли карабкался», – подумалось мужчине. Он принялся медленно поднимать свои внезапно потяжелевшие веки, но несколько попыток были тщетными, и великан оставил эту затею. Будто зажатое в мощные каменные тиски от бесконечной боли в спине, ногах, руках его ослабленное тело непрестанно ныло. Усилием воли преодолевая тяжесть, Илья чуть приподнял одно веко, явно осознавая, как плотная белесая пелена с множеством мелких темных точек и легкая полупрозрачная дымка застилала и без того воспаленные от усталости глаза. Изможденным бесконечной болью мышцам груди богатыря не давала покоя бегающая по телу маленькая черная букашка. Она носилась меж его густой от грязи волосяной поросли в дополнение к донимающей тело и душу боли, оставляя легкие, но неприятно надоедливые покалывания.

– Отвяжись! Устал маненько, отдохну и уйду, – бесхитростно прошептал путник на звук в поисках точки успокоения и опоры своей измученной душе.

– Куда пойдешь? Дальше-то некуда. Все! Ты достиг предела, – раздался недовольный далекий писк все той же беспокоящей его какой-то мелкой твари.

– Где ты, мерзость? Остановись, – вновь прошептал Алёшин пересохшими губами, – я тебя не вижу, но чую! Найду, грохну, – преодолевая боль, продолжал недовольно бурчать лежащий на спине богатырь.

– Я здесь! Я на тебе! Гниль твою собираю!

– Чего, поганец, болтаешь, я жив пока и тело мое в порядке. Найду, точно грохну! Сам гнить начнешь, – мычал Илья, пытаясь почесывать те места на груди, где букашка пробегала, пощипывая кожу.

– Не хозяйничай тут, не дома, лежи, пока позволено. Тута свои порядки, – визжала букашка, ловко увертываясь от его больших, толстых, но проворных пальцев.

– Надоел уже! Писк твой достал, найду, точно грохну!

– Ты чего это творишь? Не выйдет! Многие меня хотели...

– И чего-о-о-о! – от досады протяжно взвыл Илья.

– Да ничего, с хамами всегда моя берет!

– Кто тут хам-то? Одни хотят, другие делают, – совладав с собой, промычал Алёшин.

Сквозь шум в голове он еще и еще пытался вслушиваться в болевые ощущения каждой клетки своей большой груди, пытаясь определить направление и угадать место наступления следующего укуса. После затянувшегося бездействия Илья резко провел ладонью по своим волосатым соскам, огромными пальцами прижал насекомое к телу. В ответ разнесся громкий визг с испепеляющим человеческим матом да таким отборным, который в ходу лишь у блатных и урок, да у людишек слабых и беспомощных. Зажатая пальцами букашка скулила и брыкалась, постепенно превращаясь в огромную черную мохнатую крысу. Высвободив из-под пальцев голову, грызун вцепился в фалангу большого пальца Алёшина, прокусив его до косточки. Скорее от неожиданности, чем от резкой боли, Илья громко вскрикнул и разжал пальцы, выпуская зверька на волю. В белесом плотном тумане крыса моментально пропала из виду. Также быстро исчезли и тяжесть в груди, и болезненные ощущения, глаза полностью раскрылись.

– У, чертова напасть! Еще и кусаться вздумала, скотина! – беспомощно крикнул богатырь.

– Ха-ха-ха, узна-а-а-ал! Догада-а-ался! – пропело вдруг издалека.

– Это еще кто? – не сдержал вопроса Алёшин, поворачивая в разные стороны и без того большую голову, в поисках места откуда раздался нудный надоедливый писк. Вместе с давящей на тело тяжестью мгновенно исчезла сухость губ. Смачивая каждую складку, во рту забулькала живительная слюна.

– Тот, о ком ты вспомнил все.

– Урод, выражайся точнее!

– Куда же точнее, – не унимался писк.

– Я с убогими и зверьем разным, а тем более с грызунами, в прятки играть не собираюсь! Покажись, скотина! – раздраженно гаркнул Илья в то место, откуда раздавался писк и отвернулся.

– Шибко буйный! Ой, какой буйный! Но всему свое время!

– Если найду, смотреть не стану, грохну!

– Ты еще и дикий! Ой, как обожаю таких неугомонных!

– Ну, тварь, и доста-а-а-ал же ты. Визг твой противный тоже. Без тебя тошно было, а с тобой – ваще. Я полагал – на высоте свобода, безлюдная пустота, а здесь какая-то говорящая мразь противная кругами скачет.

– Свобода твоя была там, откуда ты притащился, а здесь свой многовековой особый порядок. Вижу ты, малый, готов принять этот режим! Кровью подписаться под клятвой!

– Слушай, отвяжись, уже не хочу ничего! Я внизу много раз режимом пужан и кровью харкал за него. Дури мозги кому другому, но не мне, – немного поуспокоившись, брезгливо проворчал Илья в ответ, на всякий случай еще раз оглянувшись по сторонам.

– Теперь вижу ты действительно созрел для встречи с самим собой. Готов взглянуть на себя со стороны, но на себя обновленного! Настала пора о твоих проблемах перетереть. Головенку-то свою вправо откинь, если еще в состоянии, – раздавался приятный тенор совсем рядом с правым ухом Алёшина. Громко хрустя шейными позвонками, Илья повернул голову в указанном направлении и увидел прямо перед собой крошечного человечка, может чуть больше открытой ладони годовалого ребенка.

– Это ты, нечисть, что ли? Чего тогда махонький такой?

– Так лучше видно твою телесную гниль, удобнее обнюхивать порожденный страхом смрад твоей плоти. Поднимешься на ноги, подросту и я.

«Глупая тварь, думает, что я его боюсь. Он, видимо не в курсе, что живущих под большевиками во власти и попробовавших лагерную баланду больше ничем не испугать», – хихикнул Алёшин, переворачиваясь. Угодив на мелкие острые колючие камни, немного полежал, привыкая к боли, встал на колени, а затем и на ноги, переступая по камешкам, чтобы ступни быстрее адаптировались к постоянному острому покалыванию. Никого не обнаружив рядом, тихо надменно поинтересовался:

– Чудак, ты-то где? Не бойсь, сразу убивать не буду.

Илья тут же услышал за спиной:

– Да здесь я, здесь!

Резко обернувшись на звук, Алёшин увидел такого же, как и он, высокого мужчину с большим мясистым носом.

– Ну и урод же ты! – не удержался от возгласа Илья, с любопытством осматривая покрытое сияющими до блеска вьющимися, только черными волосами, тело собеседника. Его воздушная полупрозрачная накидка не отличалась от черноты волосяного покрова рук и ног.

– Ты на себя-то смотрел? Чем лучше меня? Такой же волосатый страшила.

– Каких будешь, погань чернявая? На нечисть вроде не похож. Чего пристаешь? Думаешь обделаюсь? Не дождешься! В своих приятелях иметь тебя не желаю, – недовольно продолжал бурчать Алёшин.

– Я здесь по долгу службы! Тебе подобных и таких, как ты, укрощать предписано!

– На этой макушке? Кем? Давно чалишься, погань отвратная!

– Да уж давненько, подустать успел, ты-то размахался тут, если добрался до врат святых, веди себя как гость в приличном доме, а не как отребье бездомное. Вот, кстати, и тот, кто тебе нужен больше чем я, – миролюбиво произнес черный человек, устремив взгляд мимо здоровяка, склонившись в приветственном поклоне.

– Здорово, брат, давно не виделись, – откуда-то позади Ильи раздался бархатного оттенка редчайший на земле низкий бас.

Алёшин резко отступил в сторону. Обернувшись на звук, он уткнулся взглядом в высокого, безбородого, с голубыми глазами и с глубокими залысинами человека. Длинные ниже плеч волосы прищельца, как и одеяние, до рези в глазах были белы и светлы. Весь он светился белым ярче окружающего тумана, что подчеркивало особый шарм и величие прищельца.

– Во, компашка собралась! Ты-то кто? – не удержался Илья от возгласа.

– Я страж праведный, – все тем же низким грудным басом доверительно произнес человек в белом.

– Какой, какой? – изумленно спросил здоровяк.

– Праведный! Чего непонятого сказал!

– Вертухай, что ли? Чернявого стережешь? – продолжил удивляться великан.

– Какого чернявого? – спросил блондин, оглянувшись по сторонам, и тут же добавил, – никого не стерегу. Попрошу вас оскорбительным тоном не выражаться! Вы в распределителе Господнем, а я ангел-хранитель, исполняю должность стража райских врат.

– И давно?

– Да уж давненько!

– Так бы сразу и сказал, что порученец, а то страж, страж, а если ангел, крылья-то куда дел? – окончательно осмелев, недоверчиво поинтересовался Алёшин.

– При мне, – ответил мужчина, громко шурша, будто накрахмаленной накидкой, развернул сложенное за спиной одно крыло.

– Вторым-то помаши, – предложил Алёшин, потирая свою мгновенно вспотевшую шею.

– Без нужды крыльями махать? Вам, мил человек, для демонстрации слов моих праведных и одного достаточно, – ответил мужчина и тут же продолжил, – брат, гостя допрашиваешь или пытаешь?

– Ни то и ни другое, собирались доверительно беседовать.

– Нет, ты скажи, от Самого поручение имеешь? – с любопытством поинтересовался Илья.

– От какого? – не понял собеседник.

– Какой непонятливый, ясно спросил, ты от Его самого поручение имеешь?

– А-а-а, в этом смысле, ну конечно от Него!

– А тот, чернявый?

– У чернявого, как вы выразились, свой хозяин! Среди людей не менее известен и почитаем.

– Может даже известней и почитаем более твоего, вмешался в разговор черный человек.

– Твои мультки хорошо известны всем и мне тоже. Надеюсь, уступишь гостя на пару вопросов? Посиди пока в сторонке, послушай, а мы потолкуем!

– Уже сижу и даже отвернулся, говори, только недолго, некогда мне тут рассиживать, хозяин потеряет, – ответил мужчина в черном. Он бесцеремонно уселся спиной к собеседнику, головой упершись в образовавшийся из густого тумана угол из строгих полупрозрачных линий.

– С какой целью к нам пожаловали? – обратился страж к Илье, не обращая внимания на всем внешним видом выраженный каприз своего коллеги.

– Отвечай, мил человек, только коротко! Сказал же – некогда мне, а этому чудаку в белом о тебе и так все известно, – из угла не умолкал по-детски обиженный тенор.

– Скажи, чернявый тоже ангел, что ли?

– Как вы догадались? – пробасил белый человек.

– Он мутный какой-то, скользкий, неприятный тип.

– На то он и падшим ангелом зовется.

– Послушай, вертухай, кто-нибудь из вас двоих может объяснит, куда я попал?

– Непременно объяснит, – раздалось из угла, – вот он по порядку все и расскажет.

– Чего неясного, вы в том месте, куда стремилась ваша душа. В поисках самоуспокоения привела она на эту гору – в распределитель Господень.

– Даже такое есть! Никогда не знал! Я-то думал с собой справиться, свои силы испытать, как дурень с колокольни в гору полез, а тут оказалось совсем не то, что ожидал.

– Ничего не оказалось. Вы сами выбрали свой путь, а теперь нам с коллегой предстоит решить, что с вами делать, кто из нас будет вас в дальнейшем сопровождать.

– Куда провозжать? – не понял реплики Алёшин.

– Туда, что заслужили деяниями земными своими.

– Чего еще выдумал? О какой душе ты пургу несешь? Собственно, я в этот, как ты его кличешь, распределитель и не стремился и в сопровождающих не нуждаюсь, – еле шевеля языком, преодолевая внезапно навалившуюся усталость, ответил здоровяк.

– Я что мыслю, это случайно залетный тип и нечего этому бугаю тут делать, – задрезжал скрипучий тенор из угла с темным пятном, окутанным белоснежной дымкой.

– Будь добр, коллега, не встречай уже. Я пытаюсь установить обстоятельства, в которых оказалась душа этого типа, как ты выразился, – осадил писклю человек в белом.

– Чего тут словеса развешивать, переходи сразу к делу. Этот абориген, овца заблудшая, меня чуть не придавил. Еле выбрался. Без него башка забот полна, – в углу не затихал, но уже более протяжный визг.

– Уважаемый, вам известны каноны вероисповедания? – обратился ангел к Алёшину, продолжая игнорировать звуки из угла.

– Зачем мне это? – вместо ответа задал встречный вопрос Илья.

– Посмотри-ка, приятель, эта белая курица закудаhtала про заповеди своего босса, – нараспев хихикал в углу тенор.

– Все непродолжительное время своего земного пребывания вы ни разу не исповедовались, не испросили у Господа прощения за деяния греховные свои. Это великий грех! Он затмевает все другие земные непослушания, – продолжал монотонной настойчивостью басить ангел.

– Что за пустословие, ты же знаешь, коллега, в том нет вины этого несчастного, – раздался из угла еще более назидательный возглас.

– Истина в том, что наш гость не устоял против греховных соблазнов, тобой, коллега, надуманных извращений. Любой человек, кто верует, даже при самых сложных обстоятельствах непременно найдет своего духовника, чтобы покаяться в грехах своих, отдалиться от соблазнов твоих! – повернувшись к Алёшину добавил, – а вы, сударь, проигнорировали свыше предоставленные возможности.

– Ты о чем? Какие еще возможности? – опять не понял вопроса Илья.

– Если вы забыли, напомню. Многолетнее пребывание в святой обители благословенной земли вас призывало к очищению души.

– Никогда там не был, да и желания не возникало.

– Монастырь на острове холодного моря забыли? Так я напомнить могу.

– Ты напомни, все напомни этому чудаку, расскажи еще, как он теток мимо себя не пропускал, и про ту брюхатую не забудь, что до посадки животом обеспечил. Пусть знает, за деяниями каждой земной твари Всевышним пригляд ведется.

– Вы это в две глотки о чем? – раздраженно поинтересовался верзила.

– И про остров тоже. Жену, командира воинов, не ты ли много лет ублажал, да еще как! Блудница двойню родила. Не забудь и про полтора десятка невинно убиенных, – из угла продолжал завывающим тоном протяжно ныть надоедливый тенор.

– Я и сам все помню, и про жену начальника режима не забыл. Не понимаю, чего в этом греховного? Про двойню не знал. Думаю, это неправда? Откуда знаешь? – мгновенно отреагировал Илья, поворачиваясь в сторону голоса.

– Правда, правда! Вот что я скажу, – раздался визг, но уже рядом с ухом мужчины, – разве не понимаешь, мой коллега от тебя добровольного признания и покаяния добивается.

– Какого еще признания, а покаяния в чем? – удивленно поинтересовался Алёшин.

– В грехах твоих земных и делах мало праведных!

– Разве такое бывает? – не переставал удивляться Илья.

– Бывает, мил-человек, еще как бывает. Вы на острове с чужой бабой тешились, пупсов ей сотворили, – пробасил ангел.

– И что? При чем тут я? У нее мужик был, в НКВД должность немалую занимал.

– Занимал, занимал, теперь в моем хозяйстве свои телеса греет, – перебивая бас, хихикнул тенор, – не знаю, надолго ли его хватит, но старается.

– Она сама ко мне пристала.

– Признайтесь честно, вы ведь не упустили возможность воспользоваться женской слабостью? – задал вопрос белый человек.

– И что из этого? Про подстилку вертухаеву мне мало интереса.

– А вы послушайте, – грохотал бас прямо в лицо Алёшина, – страдалица в муках родила и уже много лет одна двойню растит.

– А соседку свою, солдатку несчастную, любовью уважил? – успел вставить свой вопрос черный человек.

– Было один раз. Но это по любви, думаю, взаимной!

– Тоже на острове? – спросил белый страж.

– О чем это он? У этого парня стезя такая, на островах свою плоть ублажать, – вновь хихикнул человек в черном.

– После чего блудница на свет пупса здоровенького произвела, – невозмутимо закончил человек в белом.

– Ну и что? У Ленки муж с отсидки откинулся. Они сами на радостях в состоянии сношиться!

– Говорю же тебе! Этому белобрысому пройдохе до твоих походов интереса совершенно нет, – горячо дышал в ухо тенор, – он не признания, а твоего раскаяния добивается.

– Признайтесь добровольно, с бабами было? – успел вставить вопрос белоголовый.

– Вроде было и что. Бабы замужние. Про детей ничего не знаю. Они не мои.

– В грехах земных, вы, любезный, обязаны чистосердечно сознаться и искренне покаяться! Если желаете в сады райские! – пробасил человек в белом, опередив своего чернобородого приятеля.

– Не юродствуй, друг мой! Поверь на слово, по всему видно это чудо не твой клиент и садов Господних этой заблудшей овце точно не видать! Тем более, его ожидает великое, более глубокое грехопадение, – провизжал черный человек.

– С какой тоски я должен быть чьим-то клиентом, и куда вы оба мне падать прикажете! – из последних сил смастерив капризную гримасу, возмутился Илья.

– У нас непринято встречать, когда взрослые разговаривают. Мы судьбу ведь вашу решаем, – сделал многозначительное замечание богатырю человек в белом.

– Я и не встречаю. Нечего мной зазря понукать.

– Видишь, какой он, этот пришелец, как минимум половину заповедей твоего хозяина меж ног пропустил, а еще сколько впереди затычин будет, ты только представь!

– Если ты, брат, знаешь, что субъект такой греховодник, стало быть, он твой клиент. Забирай его и на этом действо завершим, – перебив коллегу, передернув плечами, назидательным голосом пробасил белый ангел.

– Увы, увы! Огня преисподнего ему также не видать, как и твоих райских куш. Удовлетворяя плотские вожеления распутных баб, он был лишь достойным держателем ему доверенного инструмента, – пропел тенор в черном. Выждав короткую паузу, обратился к Илье:

– Вот скажи, мил-человек, только откровенно, ты в башке своей бестолковой тех баб возжелал страстно, безмерно, до умопомрачения? Ты их насильовал?

– Вроде нет. Получилось как – то само собой. От удовольствия отказываться – не отказался.

– Тебе удовольствие, а мне безмерная пахота. Попробуй, найди достойных. Это моя забота, ублажать вожеление похотливых самок. Ты всякий раз оказывался под рукой.

– Признаю, злоклучения этого чада с островами твоих рук дело, брат. И тут же обратился к Алёшину:

– Допускаю, с женщинами вы поддались искушению этого пройдохи, но как вы смогли голыми руками лишиться жизни полтора десятка здоровых сильных мужчин? – любопытствовал человек в белом.

– А точно, полтора десятка?

– Точнее не бывает, – пискнула черная тень.

– Я защищался, мне ничего больше не оставалось делать, – не задумываясь, виновато пробубнил Илья, опустив голову в сторону тени, обратив внимание на торчащие из-под черной накидки маленькие ножки.

– Скажи еще, что плыл по течению жизненных обстоятельств, отправил к нам сначала двух, потом одного, а войдя во вкус, – всех остальных, – хихикнул чернобородый собеседник, накидкой прикрывая свои копытца.

– Если так желаешь, бесово отродье, то пусть будет, – пожал плечами Алёшин и, лукаво прищутив глаз, кивнув на ноги собеседника, тут же продолжил, – копытцами по острым камешкам шараться не больно? Если что, могу и подковать.

– Премного благодарен, мне и без твоих намерений как-то хорошо и комфортно.

– Как знаешь, – совладав с собой, в ответ улыбнулся Илья, – а то смотри, мне нетрудно и самого антихриста подковать.

– Нет, нет, коллега, скажи на милость, посылать в смертельную атаку солдата без оружия как называть? – пропустив мимо ушей предложение Алёшина, продолжил петь тенором обладатель черной бороды, – молчи, молчи, не пытайся оправдаться.

– Не юродствуй, брат, должны же мы получать жертвоприношения, сам этим пользуясь, – сделал замечание белый ангел.

– Уж сколько веков всяких жертвоприношений во славу твоего хозяина свершилось. Обреченные на вечный покой обычно быстро оказываются здесь на суде праведном. Но такого, чтобы наше чистилище было под завязку забито душами невинно убиенных, – такое впервые.

– Что ни говори, ты, брат, прав, чадо это, конечно, святые заповеди нарушил грубо и намеренно, это, безусловно, грехопадение! – подчеркнул свои выводы белый страж, резко меняя неудобную ему тему.

– Мой патрон такую заблудшую овцу точно не примет. Разве по своей добровольной воле этот бугай отправил в наше чистилище души убиенных? Нет, конечно, нет! Бабы брюхатые его любви неземной, тем более, не в счет.

– Что хочешь предложить, коллега? – пробасил человек в белом.

– Предложений нет. Сам посуди, ворота твоих райских кущ для него замурованы наглухо, совершенно и однозначно. До жаровен преисподних он также не дотягивает, в чистилище мест совершенно нет, я проверил, – назойливо повизжал, бесшумно постукивая копытцами, черный человек.

– По-твоему его надо провожать? – доброжелательным тоном спросил страж.

– Точно так! Пусть уходит, откуда пришел. Я – за и только – за! Меня другие ждать утомились. Всем привет, – пропел тенором черный человек и пропал в туманной дымке.

– Твои доводы, коллега, крыть мне нечем. Я согласен, – в опустевший угол пробасил ангел, продолжая искоса недоверчиво осматривать Алёшина.

– Разъясни этому сопляку, что к чему и отправляй назад, пусть другим головы морочит, – в ответ раздался из тумана протяжный прощальный визг.

– Вы всё слышали, добрый человек! Возвращайтесь назад. Мы прощаем вам ваши неугодные Господу деяния. Отпускаем вам грехи ваши! Живите жизнью праведной и с миром. Не забывайте хотя бы изредка исповедоваться. Будьте благоразумным и врата райские для вас непременно откроются. Надеюсь, вы с моим коллегой никогда больше не увидите, – пробасил ангел и холодной ладонью толкнул Илью в лоб.

На шаг отступив, Алёшин вскрикнул от пронзившей обнаженную ступню острой боли. Великан нагнулся, поднимая с камней высохшую черную розу с острыми шипами на стебле.

– O Sancta rosa¹, я тебя нашел! – радостно молящим возгласом вскрикнул собеседник, протягивая к увядшему цветку свои холеные руки с длинными белыми пальцами. Получив от Алёшина цветок, он еще какое-то время продолжил бубнить на латыни молитву.

– Сухостой-то откуда разбросан тут? – сорвался с губ Ильи вопрос.

– Этот, как вы выразились, сухостой не каждому в руки дается! Вы избранный среди многих вам равных!

– Что еще за чушь несешь? Какой избранный, кому равный? От цветка остался лишь стебель! – недовольно буркнул Алёшин, пытаясь утихомирить боль в ступне.

¹ Святая роза (лат.)

– Вы видите лишь увядшую оболочку, а внутреннее его содержание благоухает, но, к сожалению, оно пока вам недоступно! Тепло вашего тела разогрело его!

– Скажи – моя пролитая кровь! Мне-то чего из того?

– Эта Sancta rosa есть ключ к управлению миром! Им, как и Граалем, стремились многие владеть, но не всякому он дается! – вожделенно прижимая к груди оживающий цветок, задумчиво произнес белый человек, – молитесь чаще, несите Его в душе!

– Еще чего придумал! Никого носить не собираюсь! Самому бы не пропасть, а еще с цветком возиться!

– Я говорю о другом. Sancta rosa не только символ, – принялся разъяснять пространно собеседник. Неожиданно Алёшин перебил его, мурлыкая в усы излюбленную песенку блатных сидельцев ГУЛАГа:

– Я помню розу, она цвела...

– И яркой свежестью была полна, – осекшись и меняя тему, подхватил мотив человек в белом.

– Чё, мотивчик знаком? Знаешь, я в наполеоны не стремлюсь и мне твоя байка про сухой стойный цветок ни к чему, – равнодушно заметил Илья.

– Как знаете. Это ваш выбор, но помните, вы – избранный! – и, как бы спохватившись, продолжил, – вас я больше не задерживаю.

Он резко отвернулся, задев Алёшина своим большим расправленным крылом. Илья повалился навзничь, но, оступившись, соскользнул со скалы и полетел в пропасть, то медленно кружась, то под воздействием встречных воздушных потоков кувыркаясь, постепенно проваливаясь во тьму. Чем темнее становилось вокруг, тем медленнее кружился и летящий боец переменного состава второго отделения второй роты 4-го отдельного дисциплинарного батальона 14-й армии Карельского фронта. Он парил в темноте, в полной тишине, не чувствуя своего тела, пока ударивший в глаза яркий, но уже не белый свет не вернул мужчину в сознание.

Без вести покинутый

Илья вынырнул из забытья. Невыносимо желтый свет лампы, выглядывающей из-под висевшего под низким потолком металлического кожуха в форме причудливо рваного абажура, ярким лучом в глаза рвал в клочья истерзанные нервы. Где-то между бровями назойливо ползала и противно жужжала большая черная муха. Она то спускалась на нос, то лезла в ухо, то ковыляла по заросшим густой щетиной щекам. Ощущение свободного полета не покидало богатыря. Все кругом продолжало тихо вращаться, а в глазах летали непонятно откуда взявшиеся яркие мелкие звездочки, темные ворсинки, черные точки. Не чувствуя опоры, лежа на спине, солдат плавно кружился со всем тем, что мог охватить его взгляд. Кружение затуманенного потолочного настила с лампочкой посередине сопровождалось звенящим шумом в коротко стриженной голове. Звон в ушах то утихал, улетаая далеко внутрь тела от затылка куда-то в спину, то вдруг возвращался, заглушая жужжание мухи, становясь еще более назойливым и громким. Заложенные уши ничего кроме звона не слышали. С возвращением сознания Илья почувствовал, насколько сильно затекла спина и онемели руки. Крепко по рукам и ногам стянутое альпинистским репшнуром тело от боли ныло до колючих мурашек. Связанные веревкой ноги отекали и гудели, как после тяжелой рабочей смены в траншее канала. «Привидится же такое! Вроде жив. Где я есть, а где раньше был? Вроде ангела видел... башка болит... блондина видел, точно... тело ноет... чертяга тоже был. Он уже здесь, жужжит надоедливая скотина, Илюха, соберись, ты же жив пока. Остальное все пройдет», – еле шевелились в контуженой голове военнопленного первые после возвращения из небытия неуверенные мысли.

По рукам и ногам веревками связанный боец Красной армии осторожно попытался осмотреться, силой воли пытаясь остановить медленное вращение стен и все его окружающее, при этом пытаясь сдуть с себя ползающую по щекам и носу чертовски надоевшую большую черную муху. «Эти твари не ошибаются... давно не мылся... Вонючий! Может поганец чертяга совсем не привиделся, а все же настоящий и взаправду продолжает доставать», – думал Илья, всматриваясь в крутящийся абажур. По мере окончательного пробуждения Алёшин заметил, что с низкого потолка свисает уже не такая яркая, как прежде, а скорее тускло светящаяся электрическая лампочка. Свет большей частью падал на небольшой складной стол, за которым на деревянных табуретах, как маятники, покачивались четверо солдат в форме немецких егерей. Они о чем-то активно переговаривались.

Повернув голову, Илья заметил слева от входной двери аккуратно уложенное обмундирование. С правой стороны топилась небольшая металлическая печь. Превозмогая головную боль, Илья медленно провел глазами по обшитой строганной доской стене жарко натопленного помещения. «Речь знакомая... не наша... черт меня возьми, точно колбасники... попался... здец, кажется, подкрался...», – первая осознанная мысль успокаивающе обволокла разрываемую от боли голову, притормаживая круговерть. Прогоняя дурное предчувствие, Алёшин медленно прикрыл веки. «Проклятая муха, достала-таки. Видимо, точно черт принялся и здесь меня охаживать. Быстро же он примчался! Илюха, не ныть, ты пока жив. Рая точно тебе не видать и до сковороды далеко, вот тебе и избранный. Слава Богу, выжил... земельку еще потопчешь... Ты же видел свою кожу. Магда говорила, что-то о какой-то дружеской поддержке, но то про сон, а тут реально кожу гладил», – как мантру мысленно повторял штрафник, продолжая заговаривать звенящий шум в ушах и пронзительную головную боль. После непродолжительной, но изнурительной борьбы с недомоганием и накотившей жаждой военнопленный вновь устало открыл глаза. Его темно-русые брови болезненно изогнулись в ломаную дугу: «жарко... у них хата такая? На одного меня охранников не много ли... хорошо сидят...», – пленный красноармеец попытался осторожно пошевелить связанным телом, складная финская кровать предательски скрипнула. На слабый стон пружин никто из присутствующих не обратил вни-

мания: «душно... муха смерть, как надоела... пить охота, эти сидят себе в тепле под абажуром. В наших халупах даже окон нет. Вместо дверей щели, в кои лишь ползком можно залезть», – накатывало недовольство в голове пленника, прочь выдавливая ноющую боль.

Как бы услышав кричащую мысль Алёшина, один из сидящих за столом егерей поднялся, подошел к двери, взял трубку висящего рядом с выходом телефона, что-то тихо произнес. Илья напряг слух. Сквозь неутихающий шум в ушах он услышал отрывистую фразу с малолетства знакомой речи: – «gut, ich gehöreche!»². Связанному поверх ватника веревками штрафнику лежать становилось все неудобнее, пот ручьями заливал лицо, проникал в глаза, ноздри, сползал за уши. «Точно немчура. Доложил уже. Башка гудит. Слышь, чертяга, свали, а? Пожаркело, однако, сил нет! Что им надо от меня? Хорошо устроились. Фрицы в этих каменных хоромах верняк вшей не кормят», – постоянно одна за другой свербили многочисленные мысли, – отлить бы... потом пусть грохают или творят что хотят! Нос почесать бы... сейчас чихну. Верняк не следует казать, что и я знаю, как по их гавкают».

Под неутихающую боль, тяжесть неизбежных догадок и сомнений Илья громко чихнул, освобождая свой похожий на большую примятую картофелину нос, после чего вновь облегченно, но ненадолго прикрыл глаза. «Чертяга, урод, свали! Услышал меня... Спасибо, ты мне не друг, без тебя тошно... Обойдусь без услуг. Поищи кого другого...», – тихо пробормотал Илья. Копаясь в своих переживаниях от привидевшегося видения, он не заметил, как в дверь вошли два офицера:

– Aufstehen Stillgetaden!³, – раздалась громкая команда, сидевшие за столом воины подскочили с мест, в приветствии вытянули правые руки. Один из вошедших офицеров доброжелательно махнул перчаткой, военные сели на свои места, словно ничего не произошло. Старший по званию, чуть выше среднего роста худощавый офицер, взял табурет и подсел ближе к кровати, на которой лежал Алёшин. Скороговоркой выпалил что-то, что пленный не успел расслышать и разобрать. Двое солдат встали из-за стола, словно замотанную веревками мумию переместили Илью из лежащего состояния в сидячее положение.

– Wie heißt du?⁴ – произнес офицер.

– Что? Не понимаю, – скорее прошептал пересохшими губами военнопленный совершенно незнакомым ему голосом, мотая головой и пытаясь смахнуть с усов за воротник ватника выскочившую из ноздри зеленоватую тягучую жидкость.

– Как твоя имя? – повторил вопрос высоким тенором, но уже на корявом русском стоявший рядом со спинкой кровати второй офицер.

«Успел и сюда добраться бесово отродье», – подумал Илья, услышав голос переводчика, а вслух тихо, но внятно произнес:

– Боец переменного состава Красной армии Алёшин Илья.

– Альёша? – переспросил офицер, сидевший у кровати.

Не поднимая головы, медленно обтерев о телогрейку нос, одновременно пытаясь сглотнуть сухую слюну не поддающимися его воле губами штрафник произнес:

– Так точно – Алёшин.

– Аусвайс? Какой? Твой форма, рядовой, какой часть? – продолжил, назойливо повизгивая сыпать вопросами шарфюрер.

– Помедленнее можно? Аусвайс штрафникам не положен, – вялым подавленным голосом начал лепетать военнопленный, медленно поворачивая голову в сторону офицеров, и чуть не ахнул от удивления. В него пронзительно упирались прикрытые белой челкой огромные голу-

² Хорошо, слушаюсь! (нем.)

³ Встать, смирно! (нем.)

⁴ Как тебя зовут? (нем.)

бые глаза. «Страж небесный, и ты здесь! Компашка-то собралась! Бесово племя точно докнать решило...», – подумал Илья, вслушиваясь в очередной вопрос.

– Штрафник – званьё? – медленно и протяжно повторно взвизгнул переводчик.

– Скорее добровольно-принудительная обуза, – недовольно пробубнил Алёшин, а про себя подумал – «а то ты не знаешь, рогатая скотина».

– Что есть буза? – незамедлительно прозвучал новый вопрос.

– Не буза, а обуза! Когда тебя одни держат за идиота, а другие, как скотину, гонят на убой под ваши мины и пули ...

– Скотина какой? Рогатый? Альёша доволен?

– Сам рогатый, еще копыта покажи, – сквозь зубы прошептал Илья, а более громко произнес:

– Еще какой... крупно, крупно рогатый... Только окончательные отморозки и совершенно безмозглые чудаки могут быть довольны такой участью.

– Ты nicht любить государство?

– Не знаю, – подумав, добавил, – как раз его люблю... Родина никак... власть теперешняя дерьмо... за что ее то любить?

– Что ест дермо?

– Не обращай внимания, пропусти – это я в сердцах.

– Кто не любит власть, ест друг Германия. Ты ест друг, ест гост великая Германия! Какой ест жланья? – прерывая продолжительную паузу, по своей инициативе спросил переводивший офицер.

– Какие, какие? Пить хочу, да отлить бы не мешало, а потом и про гостя поговорить можно! – процедил сквозь зубы Алёшин, а про себя подумал – «гостя нашел черт во плоти... визг твой еще на горе замучил... держи карман шире... грохнешь и глазом не моргнешь...».

– Что ест отлить? – равнодушно переспросил переводчик.

– Это ест мое дерьмо наружу вылить. Связанный пленник всем своим замотанным веревками телом наглядно продемонстрировал, что означает произнесенное им слово.

– Gut, gut! – произнес сидевший на табурете старший офицер после того, как переводчик что-то прошептал ему на ухо, затем повернулся к своим подчиненным и приказным тоном резко выдохнул:

– Macht ihn los und begleitet aufs Klo⁵.

Стоявшие рядом солдаты принялись срезать веревки, под руки подхватили Алёшина, помогая встать на ноги. Илья стоял, пошатываясь, упираясь головой в потолок. С высоты своего роста поверх голов снующих вокруг него егерей он заинтересованно принялся рассматривать висевший на стене плакат с полубогаженной девицей. Пленный не заметил, как кто-то из присутствующих сунул ему в отекшую руку алюминиевую кружку с водой. Онемевшей рукой он кое-как поднял посудину и, боясь расплескать, опрокинул в рот все содержимое. Выпустив из рук пустую кружку, под звуки прыгающей по полу посуды громко крякнул.

– Красива, любить? – спросил переводчик, перехватив взгляд пленного с картины. В знак согласия Алёшин прикрыл глаза. «Баба, что надо, а то не знаешь», – подумал Илья, вспоминая видения, облизнув все еще сухие губы и растирая затекшие от крепких пут руки. Офицер что-то сказал солдатам и показал на дверь.

«Los, los!»⁶, – произнес один из солдат и направился к выходу, второй, что повыше, карабином легонько подтолкнул Алёшина в спину. Илья взглядом измерил другого высокого, но худосочного военного, причмокнул губами и принялся медленно переставлять затекшие ноги. Они совершенно не слушались, откуда-то снизу по мышцам ног бежали покальвающие

⁵ Развяжите и проводите в туалет (нем.)

⁶ Идите (нем.)

мурашки. От неприятных ощущений в гудящей голове и теле штрафник чуть слышно стонал, но прилагал еще больше усилий, чтобы преодолеть беспомощность, не показывая окружающим свою растерянность от нахлынувшей во всем теле слабости. Охраняющий пленного егерь поднял с пола кружку, наполнил ее водой и не глядя протянул. Пока Илья уже медленно допивал воду, охранник поднял валявшуюся рядом с кроватью шапку, нахлобучил Алёшину на голову, жестом еще раз показал на дверь.

Выйдя на улицу, штрафник расправил плечи и осмотрелся по сторонам. Вечерело. Легкий морозец окутывал округу сединой свежей изморози. По небу низко над землей плыли рваные облака, свинцовые края которых цеплялись за высокую скалу, оттачивая и полируя нависающие над землей ее каменные уступы. «Вот я и дома. Бесово отродье прав, свобода там, где ты есть, даже если руки и ноги связаны», – подумал, восхищенно осматриваясь, оставленный отступившими однополчанами рядовой штрафник Илья Алёшин. Несколько примкнувших к скале строений с покрытыми мхом крышами формировали строй изогнутой линией, повторяя контуры подножья скалы, – результата неряшливых ваяний неизвестного мастера. Домики соединяла заботливо уложенная камнем, также как и все в округе, припорошенная снегом извилистая дорожка. Из облаков, словно мелкая стружка абразива, сыпался на землю легкий еле заметный снежок. Где-то справа из-за скалы доносились ухающие разрывы мин, что нарушало идиллию мирного существования видимых творений рук человеческих. Илья высоко задрал голову, вглядываясь в бесконечное кружение темнеющей снежной пыли, сделал глубокий вдох, открытым ртом ловя плавно летящие крупные снежинки. «Надо же, живой и невредимый, спасибо тебе, Господи, если ты есть!» – громко выкрикнул военнопленный и зашагал вслед за охранником по припорошенной снегом ухоженной дорожке. Пройдя несколько шагов, мужчина принялся расстегивать галифе.

– «Nein, nein gehe weiter»⁷, – закричал замыкающий процессию сопровождения егерь и принялся толкать Алёшина в спину стволом карабина, указывая направление движения. Илья молча повиновался. Пройдя пару домиков, военные остановились у строения, покрытого маскировочной сеткой. «Gehe hinein»⁸ – показывая на дверь, произнес замыкающий и остановился.

Низко склонив голову, вслед за первым сопровождающим Илья вошел в помещение. В углу под потолком небольшой светильник излучал тусклый свет, но этого было достаточно, чтобы рассмотреть две закрытые дверьми небольшие кабинки. Войдя в одну из них, Алёшин от изумления остолбенел. На небольшом приступке виднелось какое-то зацементированное в пол изделие из чугуна со стоячей в горловине водой. Военнопленный обернулся назад в незакрытую дверь. Его взгляд одновременного вопроса и отчаяния, видимо, рассмешил стоявшего позади егеря. Солдат, весело улыбаясь, показал, что и куда надо делать. В заключение посветил нагрудным фонариком меж ног пленника, высвечивая отхожее место. Справив нужду, Илья вышел из кабинки, на ходу застегивая галифе. За годы заключения ставшим привычным движением сомкнул за спиной руки и отвернулся к стене. Позади военнопленного зашумела вода. Охранник, смыв унитаза, легко тронул за спину Алёшина, давая понять, что можно двигаться. В обратный путь процессия перемещалась в другом порядке. Ожидавший на улице солдат с карабином наперевес двигался замыкающим. Штрафник шел неторопливо, вслушиваясь в поскрипывающий снег, обдумывая варианты возможного развития событий. «Живут же колбасники, даже параша с подогревом и каким-то аппаратом, обосновались капитально... так что не воевать...», – от этих мыслей в его контуженую голову накатила тоска. Но более всего грызла обида за свою беспомощность перед немецкой педантичной прагматичностью, которая проявлялась даже в быту. «Вот бы в нашем селе такую штуку поставить, – не утихала зависть в голове

⁷ Нет, нет, идите (нем.)

⁸ Входите (нем.)

Илья, – тетки свои точки не морозили бы и с горшками меньше возились». «После войны обязательно что-нибудь подобное выкую, надо будет эту чугуяку внимательно рассмотреть и запомнить, – окончательно забыв про головную боль, доброволец попытался разогнать и черные мысли о своем безысходном положении пленника, – интересно эти вояки будут пытаться? Я ничего такого секретного не знаю. Нас, зэка, красноперые вообще за мясо держат, живем, как нелюди, на холоде и спим, как животные, нужду справляем, где придется».

Вернувшись в помещение, сопровождающий егерь показал пленному на ту же, но уже аккуратно заправленную армейским темно-зеленым одеялом кровать. Связывать не стали. Сразу садиться Алёшин отказался, отрицательно качая головой, принялся с себя стаскивать тесную ватную армейскую телогрейку с торчащими из рукавов и спины клочками ваты. Только после того, как остался в сырой от пота вонючей гимнастерке, Илья усадил свое тяжелое тело на кровать. После прогулки на свежем воздухе головная боль утихла, дышать стало легче, но рой обрывочных мыслей крутился, не останавливаясь. Из головы военнопленного не выходило видение. Он почти физически ощущал свежую прохладу высокогорного тумана, как вдруг вспомнил яркую вспышку внутри окопа перед немецким дотом, обжигающий лицо комок воздуха и яростную дробь бьющегося о каску металла. Вернувшись в реальность, у Алёшина мелькнула мысль: «Раз я здесь, высотку не удержали. Что с нашими, где остальные, почему я один?»

Сидевший на табурете офицер наклонился в сторону пленного, глубоко вдохнув, демонстративно расширил ноздри и замахал рукой перед сморщенным носом – всем видом демонстрируя силу неприятного запаха, который источало обмундирование бойца Красной армии.

– Wo ist deine Gewehr?⁹ – вдруг произнес офицер.

– Не выдали, – ответил военнопленный, демонстративно выслушав перевод.

– Wie bitte?¹⁰ – не понял перевода военный.

– Просто не выдали и все, чего тут непонятного? – недовольно буркнул пленный, мысленно ругая тех, кто отправил его безоружного на верную гибель.

– Bist du ein Pazifist?¹¹ – продолжил задавать вопросы штурмбанфюрер Йозеф Камбер.

– Что это такое? – не понял военнопленный, дослушав переводчика.

– Пацифист – бросай маузер, – произнес переводчик, взял карабин у стоявшего рядом охранника и опустил на пол.

– «Nicht маузер – ест пацифист»? – от внезапной догадки непонятного вопроса у Ильи расширились глаза.

– Ну, фриц, даешь! Я не ваш цифист. Я зэка!

– Что ест зэка? – теперь уже не понял фразу переводчик.

– Зэка – это тюрьма, забор, решетка, Сибирь, лагерь, понимаешь?

– Ты ест Сэбирь каторга?

– Нет, не каторга, я – зэка, правда, особых различий не вижу, – смачно выругавшись, штрафник умолк, после небольшой паузы добавил, – настоящую винтовку мне не дали, а от деревянной балалайки я отказался.

– Ты играть балалайка?

– Да ну, что ты, балалайкой у нас похожую на винтовку деревяшку зовут. Красноперые приказали маузер у тебя, фриц, забрать! – при этих словах Илья указал на охранника пальцем своей не меньше телячьей лопатки ладони.

– О-о-о! – вникнув в смысл громко сказанного перевода, теперь уже округлили глаза все присутствующие военные. Приставленный охранником к военнопленному егерь весь напрягся,

⁹ Где твоё ружье (нем.)

¹⁰ Как? (нем.)

¹¹ Ты пацифист (нем.)

момента́льно поднял с пола карабин и отступил ближе к двери. Сидевшие за столом военные, то одобрительно кивали, то недоуменно и заинтересованно переводили взгляды от переводчика к Илье и обратно, веселясь, и бурно обсуждая услышанное. Продолжая расспрашивать пленного бойца, также веселясь, как и все присутствующие, переводчик пытался быстро переводить ответы, но не всегда это получалось.

– Ты шел в гору за маузер?

– Нет. Пёрся в атаку высотку взять, ну заодно и что-нибудь прихватить из чего стрелять можно.

– Патрон брать где? – не унимался проявлять инициативу переводчик.

– Этого добра у нас хватает. Стрелять не из чего. Попробуй приказа не исполни, когда красноперые за спиной с пулеметами на взводе! В лучшем случае – трибунал и штрафбат, но я там уже был, в худшем – могила, куда очень не хочется...

– Что ест красноперы?

– Сказал же – суки в картузах с красными околышками, с пулеметами и автоматами!

– Собака носит автомат?

– Нет, это не собаки, но и людьми не назвать. Они хуже диких псов. Нас голодом морят, а сами жируют и псов своих откармливают.

– Трибунал пес... – попытался догадаться переводчик.

– Не угадал, брат, трибунал сам по себе. У нас по законам военного времени командир трибунал тебе и палач в одном лице. Шлепнет если – что и не посмотрит – сытый ты или голодный. Трибунал так себе, для вида.

– Ты ест голод?

– Верно жрать-то охота! Двое суток до атаки без горячего сидели. Выданный трехдневный сухпай в два присеста проглотил, а кухни нет. Голод не тетка, с голыми руками погонит куда угодно, даже без наркомовской сотки. Военнопленный вытянул вперед руки и сжал ладони.

Все присутствующие дружно уставились на его кулаки размером с голову годовалого теленка каждый.

– Это твой тетка? – не понял шарфюрер, аккуратно отодвигая от себя руки пленного.

Внимательно слушая диалог и переводы своего подчиненного, штурмбаннфюрер тихим голосом произнес какую-то команду. Один из егерей, что поменьше ростом, быстро оделся и вышел из помещения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.